

Однако иного отношения к Рубенсу и не могло быть у европейского «любителя художеств» 80-х годов, а тем более у последователя Дидро, который оценивал качества картины в зависимости от того, достаточно ли скульптурны изображенные на ней фигуры.

«Qui est-ce qui a gâté presque toutes les compositions de Rubens, si ce n'est cette vilaine et matérielle nature flamande qu'il a imitée? Dans des sujets flamands peut-être seroit elle moins répréhensible; peut-être la constitution lâche, molle et replète étant bien d'un Silène, d'une Bacchante et d'autres sujets crapuleux, conviendrait-elle tout à fait dans une Bacchanale?» писал Дидро.

Суждение Львова о светотени в живописи Тициана также лежит в плане эстетики Дидро:

«все круглости ощутительные изображены одними полутенями, никакая грубая и сильная тень, прибежище обыкновенных посредственных живописцев, не портит тела красавиц. . .»

Далее автор статьи изумляется характеристикам Перуджино и дель Карто, которые дает Львов. О Перуджино Львов говорит, что он был «любитель одной физиономии, которую давал и богам и девкам». О «Св. семействе» Андреа дель Карто — «богоматерь не красавица, а если это не портрет какой-нибудь хозяйки, заказавшей картину, то стыдно Андрею дель Карто».

Известно, что идеальная красота по Винкельману являлась результатом отбора прекраснейших частей, избранных от многих лиц и соединенных в одно целое, которое мы называем идеальным. Портрет определенного лица не мог быть общечеловеческим идеалом красоты. Черты портретного сходства, вполне справедливо отмеченные Львовым в женских образах Перуджино и дель Карто, не соответствовали этому отвлеченному идеалу красоты.

Львов называет Рафаэля «божественным».

«Qui est-ce qui a vu Dieu? C'est Raphaël, c'est le Guide», — писал Дидро.²

Далее Львов дает весьма остроумную характеристику немецкой живописи, выдающую его итало-французскую ориентацию.

В заключение статьи в «Старых годах» автор приводит стихотворение Львова к его жене, полагая, что ужас перед развратными картинами итальянской живописи бросает Львова в мирные семейные объятия. Я замечу, во-первых, что стихотворение Львова, повидимому, написано в ответ на какое-то письмо жены:

¹ Diderot. Oeuvres, 1798, t. 15, p. 145.

«Что испортило почти все композиции Рубенса, если не эта низкая и материальная фламандская натура, которой он подражал? Быть может, в фламандских сюжетах она менее достойна порицания; быть может, поскольку слабое, вялое и тучное телосложение свойственно Силену, Вакханке и прочим распутным персонажам, — она оказалась бы вполне на своем месте в изображении вакханалии?»

² Там же, p. 229, «Кто видел бога? Это Рафаэль, это Гвидо».